

© М. Б. МИРСКИЙ, 2000
УДК 614.2:93(470)

М. Б. Мирский

МЕДИЦИНА РОССИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. Часть 2

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН, Москва

Хотя о точной дате открытия монастырских больниц говорить трудно, все же следует считать, что они появились в древней Руси одновременно, по-видимому, с монастырями. Во всяком случае первое сохранившееся упоминание о монастырских больницах относится ко времени княжения Владимира Святого (X век): именно он, как свидетельствуют летописи, вместе с митрополитом Леоном (Леонтием) установил своеобразную подать (налог), так называемую десятину, в пользу "нищих, сирот, сирых, больных и пр.". Это были весьма солидные средства.

В "Уставе святого князя Володимира, крестившаго Русскую Землю", говорилось: "А се о десятинах. От всякого князя суда десятая векша, и с торгу десятая неделя, от дани и от виры и всего схода и прибытка, и от лова княжа, от всякого стада и от всякого жита десятое в соборную церковь, царь или князь в девяти частях, а церкви сборная в десятой части"¹. Кстати, в этом уставе говорилось не только о больницах, но и о банях, которые издревле занимали особое место в жизни народа, в том числе в мероприятиях, связанных с охраной здоровья: "Монастыри, и бани их, больницы, и врачи их"² — этот текст содержится в позднейшей Иосафовской редакции.

В древнейшем списке Устава Владимира, написанном в Новгороде в конце XIII века, в числе "церковных людей" упомянуты, между прочим, лечец, задушный человек, слепец, хромец, монастыреве больницы, гостиницы, странноприимницы: "это люди церковные богадельные". Все они — и люди, и учреждения — поручались ведению архиереев. Таким образом, именно монастырская больница, находившаяся в ведении православной церкви, была учреждением, где работал лечец (лекарь, врач).

Это подтверждает и другая древнерусская летопись. В Степенной Книге ("Книга степенная царского родословия") говорится, что Владимир Святой установил "десятину" — церкви полагалась "десятая часть от всего стяжания нашего". Здесь же упоминались "церковнии люди" — среди них были и "лечцы", а далее перечислялись "монастыреве и больницы и гостиницы и странноприимницы": все они подчинялись церкви, их "не подобает судити ни князю, ни бояром, ни судиям их"³.

Кстати, в некоторых списках Устава Владимира (Смоленская грамота) были расширены статьи о церковных людях — в списке лиц, подлежащих суду церкви, оказались "лечец" и "прощеник". По мнению российского историка Я. Н. Шапова, под "прощениками", по-видимому, следует понимать многочислен-

ную группу людей, которые тем или иным способом получили "прощение", "прошу", т. е. чудесное "исцеление", и в результате этого оказались под эгидой церкви.

Дело в том, что в религиозном сознании древности и средневековья болезнь представлялась наказанием человеку за его грехи, а выздоровление — прощением их. Судя по отечественным памятникам, духовное "прощение" и физическое "исцеление" не разделялись в сознании древнерусских людей: термин "прощение" употреблялся, когда подразумевалось чудесное выздоровление. Таковы рассказы Устюжского летописного свода об исцелении в церкви Бориса и Глеба в Смоленске (1177 г.). Ослепленные князья Ярополк и Мстислав "поидоша на прощение к св. мучеником Борису и Глебу, и бывшим на Смядыни и прозревшим во церкви св. мученик..."; сообщения ряда летописей (1413 г.) об "исцелении" от иконы богородицы под Можайском: "Явилоса жалования и прощения людем много: слепым, хромым, ослабленным, глухим и немым"⁴.

То, что лечцы, да и больницы, были, как писал знаменитый русский историк Н. М. Карамзин, "отчуждены от мирского ведомства", означает, что они во всем подчинялись церкви. Таким образом, именно эти лечцы играли основную роль в медицине, хотя были, несомненно, и мирские, т. е. как бы гражданские лечцы.

Бесспорно, что с первых же шагов на русской земле православная церковь взяла медицину под свое крыло — подобно тому, как это было в Византии, или как поступала православная, да и католическая церковь во многих странах Европы.

Уже в скором времени больницы стали, очевидно, непременной частью монастырей, впрочем, и церковью тоже: во всяком случае при сооружении новых церквей и различных зданий для монастырей предусматривалось строительство и "медицинского корпуса". Так, в Никоновской летописи говорится, что Ефрем, митрополит Киевский, "в лето 6599 (т. е. в 1091 г. — М. М.) ...бе же тогда зданиа многа воздвигл: докончав церкви святого архангела Михаила, и заложи церковь камени на воротах градных... другую церковь и строение банное, и врачеве и больницы, всем приходящим безмездно врачевание, также и в Милитине в своем граде устрои, и по иным своим градом митрополским, иже суть и со уезды и с волостями и с селы; се же не бысть прежде в Руси; и град бе Переяславль заложил камень, от церкви святого Федора, и с прочими здании, и съверши его чюдне"⁵. Иными словами, митрополит Ефрем не только построил больницы, но и установил, что больных надо лечить "безмездно", т. е. бесплатно.

¹ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 84.

²Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII веков. — М., 1989. — С. 94.

³ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 21, ч. 1. — С. 118—119.

⁴Шапов Я. Н. Цит соч. — С. 90.

⁵ПСРЛ. — СПб., 1862. — Т. 9. — С. 116.

Таким образом, монастырские и церковные больницы (и в Киеве, и Переяславле, и Милитине, и в других городах) стали непрерывной принадлежностью социального устройства Древнерусского государства. (Уместно напомнить, что о больных заботились не только в монастырях: как свидетельствует Ипатьевская летопись, в 1175 г. князь Андрей Боголюбский "велиает по вся дни возити по городу брашно и питье различное больным".) Важно обратить внимание и на то, что больницы эти были общедоступными, так как в них "медицинская помощь", оказываемая лечцами, была бесплатной ("безмездно врачевание") в отличие от помощи других, мирских, или "гражданских", лечцов.

Итак, очевидно, что монастырские больницы были специальными учреждениями, где работали опытные лечцы — "врачи-профессионалы".

Кто же были они, эти первые на Руси профессионалы-медики?

Обычно ссылаясь на труды средневековых историков, пишут, что у князя Владимира Святого был врач Иоанн Смер (Смера), родом половчанин: в 987—990 гг. он, по повелению Владимира, побывал в Панонии, Сербии, Болгарии, Мизии, Греческой (Византийской) империи, Египте. "Ежели справедливы и имя его, и должность при Дворе Российском, — считал историк медицины В. М. Рихтер, — то нет сомнения, что Иоанн Смер был самый древний из всех медиков в нашем отечестве"⁶.

Может быть, это и так, хотя сомнения все-таки есть. Ведь Смер мог быть и волхвом (знахарем, "народным врачом"), т. е. представителем народной медицины, и, конечно же, незаурядным специалистом — иначе бы не стать ему лекарем князя Владимира. Известно также, что, будучи половчанином (половцем), он был язычником, а христианство принял лишь во время поездки в Египет: следовательно, до этого обучение медицине у врачей (например, в Византии) и знакомство с достижениями древней медицины были ему вряд ли доступны. Не работал он и в монастырских больницах — их тогда не было.

Все это, конечно, формальные моменты, но их тоже следовало бы принимать во внимание.

В отличие от Смера, о медицинской деятельности которого никаких сведений не осталось, другие киевские врачи (жившие, правда, немного позднее) прославились, согласно древнерусским летописям, своим врачебным искусством.

Основываясь на тесных связях древней Руси с Византией, В. М. Рихтер считал, что "доброе согласие между Грецией (т. е. Византией, — *М. М.*) и Россиею, умноженное бракосочетанием Владимира с греческою княжною, взаимными посольствами и возобновлением торговли, заставляет предположить, что первые в России врачи должны были быть греки"⁷. Но так ли это?..

Древнерусский историк оставил нам красочные описания высокоуманных деяний первых врачей — монахов Киево-Печерского монастыря: под монашескими клобуками у них были солидные знания медицины.

В Киеве известен был как врач Антоний Печерский, первый настоятель Киево-Печерского монастыря.

Антоний Печерский, преподобный (983—1073 гг.) — русский святой, основатель Киево-Печерской лавры, один из родоначальников русского монашества. Принял пострижение на Афоне, а в 1028 г. вернулся в Киев, где предавался отшельническому подвигу в пещере на Берестовой горе, увлекая своим примером будущих иноков Киево-Печерской лавры⁸.

В летописи о нем говорится: "Яко же бо он, великий, покрываа свою святость, больныа исцеляше от своеа яди, мисяся тем врачебное зелие подаваа, и тако здрави бываху молитвою его"⁹. Хотя о методах лечения Антония больше не сказано ничего, ясно, что он применял, выражаясь современным языком, только терапевтические и психотерапевтические способы.

Гораздо больше летописец рассказывает "о святом и блаженном Агапите, безмездном враче".

Агапит, преподобный печерский (? — 1095 г.), поступил в Киево-Печерскую лавру при Антонии, а после смерти Антония поселился в его пещере, подвизался на посте и молитвах, лечил больных.

Агапит был преданным учеником Антония — в летописи о нем говорится, что "сий блаженный Агапит, ревнуа святому то-

му старцу (т. е. Антонию. — *М. М.*), помогаше больным". Агапит лечил всех, кто находился в Печерском монастыре, прежде всего, конечно, иноков: они часто приходили к нему в келью либо Агапит сам шел к ним. "И егда кто от братия разболыаеся, — свидетельствовал летописец, — и тако остави келию свою, приходяще ко болящему брату и служаще ему". Больным он сам готовил лекарства ("еже сваряше зелие"), оставаясь с ними в продолжение всего заболевания ("Аще ли продолжаше недуг... сий же блаженный Агапит пребываше неотступно").

Результаты проводившегося им лечения (тоже, вероятно, терапевтического и психотерапевтического) были совсем неплохими: недаром же Агапит "прозван бысть "лечець", сему бо дарова Господь дар исцеления". Во всяком случае в Киеве он пользовался репутацией отличного врача, к нему в монастырь приходило много пациентов, которых он успешно лечил: в летописи говорится, что "слышанно бысть о нем в граде (т. е. в Киеве. — *М. М.*), яко некто в монастыре лечець, и мнози болящии приходяху к нему, и здрава бываху"¹⁰.

Агапит, "безмездный врач", исцелил князя Владимира Мономаха, заболевшего в Чернигове. Он, однако, не захотел нарушить своего обета ("безвыходного" пребывания в монастыре) и потому ответил отказом посланному князя на просьбу посетить их больного господина в Чернигове; не принял он от него и богатых даров (после того, как дал ему исцеление посланным зелием), но потребовал, чтобы исцеленный князь раздал свое имение, что Владимир и исполнил. Уже одно это отношение Владимира к Агапиту (в сочетании с фактом потери князем своего сына), отмечал П. В. Владимиров (1900 г.), могло вызвать знаменитое поучение Мономаха¹¹.

В ту пору в Древнерусском государстве медицинской практикой занимались и иноземные врачи: они приезжали главным образом из восточных стран (Армения, Сирия и др.) и, конечно же, наряду с византийской были знакомы и с арабской медицинской. Например, почти такой же известностью, как Агапит, пользовался в Киеве еще один врач, о котором летопись сообщала, что был он "арменин родом и верою, хитр бе врачеванию, яко таков не бе прежде его". Этот врач якобы по одному взгляду на больного ставил диагноз и прогноз болезни ("еже только видев болящего, познаваше и поведя ему смерть, нарек ему день и час").

Летописец писал о споре, разгоревшемся между врачом-армянином и Агапитом, превзошедшим его во врачебном искусстве. Пришедшего к заболевшему Агапиту армянина, предсказавшего ему по пульсу ("и емь его за руку, рече") смерть на 3-й день, тот обличает в отсутствии у него врачебного мастерства. Вот как говорится об этом в летописи: "Блаженный же (т. е. Агапит. — *М. М.*) с яростию глагола тому (т. е. армянину. — *М. М.*): "сицева ли суть твоего врачевания отрази: смерть ми поведаа, а помощи ми не можеш? Аще есм худог, то дай же ми живот; сице ли сим не владееш, то почто укоряеш ми, осуждаи в 3-й день умрети ми?"

В это время к Агапиту пришел больной из Киева и, превозмогая себя, тот встал и дал ему лекарство, которое сам принимал: при этом он показал лекарство армянину, сказав: "се есть зелие, разумей и виждь", т. е. предложил определить, что это такое. Армянин ошибся, посчитав лекарство иноземным, привезенным из Александрии (факт, сам по себе весьма знаменательный, подтверждающий тесные связи Древнерусского государства с Византией, плодотворные контакты русских медиков со своими зарубежными коллегами). Это вызвало негативную реакцию у Агапита: "Посмеав же ся блаженный невежеству его, даст зелие болящему, и тогда здрава сотвори".

В общем, спор Агапита с врачом-армянином (а по существу — медицинский диспут) закончился ссорой и он выгнал его из своей кельи. Но когда Агапит умер, армянин пришел в Печерский монастырь и в память о нем постригся в монахи¹².

Интересно, что после пострижения игумен сказал армянину: "пусть он перестанет быть врачом тела чужого, а будет искусен во врачевании своей души, следуя блаж. Агапиту", т. е. оставь лечение и думай о душе. Ставший монахом армянин до конца своих дней жил и скончался в Киево-Печерском монастыре.

Добавлю, что медицинский диспут Агапита и армянина можно рассматривать и как отражение своеобразной конкуренции между монастырскими и мирскими врачами: эта конкуренция возникла еще и потому, что монастырские врачи были, как

⁶Рихтер В. М. История медицины в России. — М., 1814. — Ч. 1. — С. 164.

⁷Рихтер В. М. Цит соч. — С. 152—153, 159.

⁸Гладышева Е. В., Нерсисян Л. В. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. — М., 1991. — С. 9.

⁹Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 93.

¹⁰Там же. — С. 93—95.

¹¹Владимиров П. В. Еще о происхождении и содержания Патерика Печерского. — Киев, 1900. — С. 203.

¹²Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 93—95.

будет сказано далее, скорее всего, безмездными, а мирские (гражданские) — возмездными.

Небезынтересно, что мощи святого Агапита (как писал проф. А. Зильбер, "нетленное тело Агапита") сохранились в склепах Киево-Печерской лавры и по его черепу в 1985 г. был воссоздан облик этого замечательного врача-монаха¹³.

В Киеве славился примерно в это же время (XI век) еще один врач — Петр Сириянин: он служил князю Святоше Черниговскому и вместе с ним пришел в Печерский монастырь. Вот что рассказывается о нем в летописи.

"Имяше же сий блаженный князь Святоша, еще в княжении сый, лечьца хитра вельми, именем Петра, родом Суриянина, иже прииде с ним в монастырь. Видев же сего Петр вольную нищету, в поварничи жеиу врат приседяша, лишився его и живяше в Киеве, врачюа многих". Петр часто навещал Святошу в монастыре, советовал ему заботиться о своем здоровье; он говорил ему: "Блюди, да некогда недуг, отовсюду собрався, и не имушо ти крепости, скоро живота гоньзнешши, — мне же не могушо ти помоши". Святоша же отвечал ему: "И ты убо, егда уврачюешши, не гнушати ли ся величи брашен?"

Когда Святоша все же серьезно заболел, Петр хотел начать лечить его. "И егда убо разболешся сий блаженный, и видев же его, лечець приготавлиет зелиа на потребу врачевания, на кыйждо недуг, когда беаше или огненное жжение, или теплота кручиннаа". Но Святоша быстро выздоровел: "И прежде пришествиа его (т. е. Петра. — М. М.), здрав бываше князь: никако же не дадый себе врачевати". Так повторялось много раз.

Когда же заболел сам Петр, Святоша посоветовал ему не пользоваться лекарствами: "Петрови разболешчуся, посла к нему Святоша, рече: "аше не пиешши зелиа, скоро исцелеши; аше ли мене преслушаешши, много имаши пострадати". Но Петр сначала не послушал его: "Он же, хитр ся творя и болезни гонзнути хотя, мало живота не погрешши, растворения вкусив". Однако состояние Петра не улучшилось: "Паку же сему разболешчуся, наречие посылает к тому святый, глаголя, яко в 3-й день исцелеши, аше не врачюешши".

В этот раз все кончилось благополучно: "Послушавше его Сириянин, в 3-й день исцеле, по словеси блаженного". Когда же Святоша сообщил, что через три месяца покинет этот мир, Петр сильно опечалился и, желая спасти князя, попросил его: "Повеждь мне, рабу своему, язву смертную, да ше аз тя не изоврачюа, да будет глава моя за главу твою и душа моя за душу твою". Однако Святоша отказался от помощи врача: "Врачевания же в животе не требовав, мертвии бо живота не имут видети, не врачевати могут wskресити". И тогда Петр решил умереть и лечь в гроб, который приготовил себе Святоша; он сказал князю: "Ты живи еще, а мене здесь положи". Врач Петр Сириянин умер на 3-й день, а Святоша прожил в монастыре еще 30 лет¹⁴.

А вот что говорится об этом же в Степенной Книге: "Еще же во княжении сый (т. е. князь, Святоша. — М. М.), имеа у себя лечьца вельми хитра именем Петра, родом Сириянина, с ним же и в монастырь прииде. Видев же вольную нищету господина своего, в поварни и у врат приседяша, отлучися от него же и живяше в Киеве, врачюа многих". Далее рассказывается, как Петр укорял Святошу в пренебрежении к своему здоровью, на что князь отвечал ему, в частности: "И ты убо егда кого врачюешши, не велиши ли гнушати ся брашен?". Описывается и предпринятая Петром попытка лечения заболевшего князя: "Егда же ли разболешся блаженный Святоша и, видев его, лечець приготавлиет зелиа на потребу врачевания; и прежде пришествия его здрав бываше князь, и никоко же дабы себе врачевати. И се многажды сотвори". Когда же заболел сам Петр, Святоша вылечил его святой молитвой. А в конце говорится о том, как Петр умер вместо Святоши, а тот жил еще 30 лет¹⁵.

Когда игуменом Киево-Печерского монастыря был Феодосий, в монастыре жил Дамиан (Демьян), которого летописец называл "целебником Печерским"¹⁶. Так, "если кто приносил дитя, одержимое каким-либо недугом, или взрослый человек, страдавший какой-нибудь болезнью, приходил или бывал привозим в монастырь"¹⁷, всех их Феодосий направлял к Дамиану.

О Демьяне летопись сообщает следующее: "Яко се первый Демьян презвуртер бяше тако постник и въздержник, яко разве хлебати воды ясти ему до смерти своея. Аше кто коли принесяше детищ болен, кацем любо недугом одержим, принесяху в ма-

настырь, ли свершен человек, кацем любо недугом одержим, приходяше в монастырь к блаженному Феодосью, повелеваше сему Демьяну молитву створити болящему; и абы створяше молитву, и маслом помазаше, и принимаху ищелные приходящи к нему"¹⁸. В эти же примерно времена врачебной деятельностью в монастыре занимался и Алимпий (Алипий) преподобный (? — 1114 г.). Алимпий был незаурядным художником-иконописцем — этому ремеслу он научился у прибывших в Киев греческих мастеров. Кроме того, Алимпий с помощью известных ему иконописных красок успешно лечил проказу и кожные болезни. Вот что сообщает об этом Патерик Печерский: "Некто от Киева богатых прокажен и много от вольхвов и от врачей лечим бываше и от поганых человек искааше помощи и не полуочи, но но и горшее себе приобрете поноудит некто сего от друог итти в печерский монастырь и молити от отец ономоу же приведеню бывшю в монастырь игоумен же повеле напоити (его) гоубою от кледезя святого Феодосия главою же и лице емоу помазаша (емоу) и тако (абие) воскип весь гноен за неверование его яко сего всем бегати смрада ради бывающего и се (он же) возвратися в дом свой плачаша и сетоуя не исходя оттудоу во многи дни смрада ради..."

Позднее этот больной, рассказывается в Патерике Печерском, пришел к преподобному Алимпью, известному иконописцу, и тот "взем вапницю и шаровными вапы ими же иконы писааше и (сим) лице емоу оукраси (и) струпы гнойная замазав сего на первое подобне благообразное (зие) претворив". Затем Алимпий привел больного в церковь, где после причастия святых тайн "повеле емоу оумытиса от воды (водою) ею же поповы (священницы) оумываюся (и) тоу абие спадоша емоу струопие и исцеле". В рукописи подчеркивается, что "скорому исцелению вси оудившася"¹⁹. Что касается оказавшейся целебной "вапы", то Л. Ф. Змеев (1896 г.) полагал, что это была смесь извести с маслом.

Секрет успехов медицинской деятельности монахов Печерского монастыря заключался, скорее всего, в использовании того, что мы называем сейчас комплексным лечением, с обязательным применением психотерапевтических методов. "Все эти иноки, обладая даром исцеления, если и давали что-либо больным, то лишь из смирения, — как говорит Патерик — не желая обнаружить присущую им способность исцелять, — считал историк медицины А. П. Левицкий. — Было ли то съедобное зелие или елей — не в них дело; сила крылась в молитве, по которой наступало исцеление". Из этого, правда, ученый делал неожиданный вывод, что "этот дар исцеления монахи противопоставляли врачеванию, основанному на человеческом знании: везде, где последнее оказывалось бессильным, получался благоприятный результат, лишь только больные прибегали к чудесной силе исцеления по монашеской молитве"; он даже считал, что "монахи не врачевали, т. е. не прибегали к человеческим знаниям, а исцеляли, т. е. прибегали к сверхъестественному вмешательству, путем молитвы"²⁰.

С таким толкованием согласиться, конечно, нельзя. Те печерские монахи, кто занимался врачебной практикой, были образованными, знающими людьми, профессионалами, искушенными в медицинских делах. Помощь ближним, которую они оказывали, руководствуясь христианским милосердием, основывалась, без сомнения, на знаниях, почерпнутых из различных источников, прежде всего, из рукописей медицинского и естественно-научного содержания, переведенных с греческого, болгарского, латинского и других языков и содержавших опыт многих врачей.

Дошедшие до нас исторические свидетельства — гражданские и церковные рукописи, Устав монастырский Федора Студийского, Печерский Патерик, памятник монастырской жизни того времени, другие летописи — подтверждают существование врачей (лечцов) — монахов Печерского монастыря, да и иных киевских врачей как исторических личностей, свидетельствуют об их медицинской деятельности. Такие же врачи-монахи действовали в других древнерусских монастырях, в Новгороде, например, в Чернигове, Суздале, Переяславле и других городах.

А о содержании их деятельности, об искусстве врачевания в какой-то мере позволяет судить описание чудес святых Козмы и Дамиана (использование настоев из трав или "пекла" — кедарового масла; наложение сырого мяса на больное место; растирание больного и т. п.), приведенное в своде древнерусских памятников "Великие Минеи Чети"²¹.

¹³А. Зильбер // Медицинская газета. — 1999. — 9 июля. — С. 15.

¹⁴Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 83—85.

¹⁵ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 21, ч. 1. — С. 180—181.

¹⁶Киево-Печерский Патерик. — М., 1911. — С. 215.

¹⁷Там же. — С. 216.

¹⁸Повесть временных лет. — 1950. — С. 126.

¹⁹Владимиров П. В. Цит соч. — С. 7—8.

²⁰Левицкий А. П. Медицинское обозрение Спримона. — 1909. — Т. 71, № 1. — С. 76.

²¹Великие Минеи Чети, ноябрь 1—2. — СПб., 1897. — С. 6—43; Великие Минеи Чети, октябрь 4—18. — СПб., 1874. — С. 1060—1061, 1107.

Существенно, однако, и то, что уже в XI—XIII веках в Древнерусском государстве медицинской практикой занимались, помимо монастырских врачей-монахов, и другие профессионалы — мирские, или городские, врачи-лечцы. Они в отличие от монахов, не покидавших свои обители, лечили больных в их домах; при этом занимались они своим ремеслом опять-таки в отличие от монастырских врачей отнюдь не "безмездно", а за определенную плату. Например, о таких врачах говорится в летописи XI века "Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца", — эти врачи неоднократно приходили к юноше Николе, получали вознаграждение, хотя так и не смогли ничем ему помочь: "Уноша бе некто именем Никола ... лежаше месяц 6 огнем великим жгом ... врачеве же прихожаху ему и не можаху никоея же ползы створити"²².

Разумеется, не исключено, что среди этих врачей, имевших своих учеников, были как постоянные жители городов, в том числе придворные княжеские врачи, так и бродячие лекари. Это, впрочем, неудивительно. "Бродячие греки, персияне не переводились на Руси и долго после охотно брали на выучку желающих, — считал Л. Ф. Змеев и добавлял: — Не забудем, что в средние века во всей Европе учителя и ученики были сплошь бродячие, как и врачи практики"²³.

²²Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца. Памятник древнерусской письменности XI век. — СПб., 1888. — Чудо 3.

²³Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. — СПб., 1896. — С. 127.

Плата, которую брали мирские (городские) врачи, была, вероятно, немалой: во всяком случае в летописях нередки жалобы на высокую стоимость лечения и, несмотря на это, отсутствие эффекта от действий врачей. Так, в "Посмертных чудесах святителя Николая..." говорится, что юноша Никола "пришел в велику беду, яко ни врачом не имяше что вдати, ни сам виде о чемь пребываше..."²⁴. В летописи "Житие Варлаама Хутынского" слепого в Новгороде "много же и врачом разда и никое же пользы обрете"; попадая, чтобы помочь своему сыну Ивану, "много истощивши врачом, но ничто не успела"²⁵.

При этом все-таки люди уважали врачебный труд, понимали его сложность. Еще в Супрасльской рукописи XI века и Толковой псалтыри XII века записано: "Бали не повиньи, ли врачеве воскресить", т. е. врачи не ответственны за исход болезней, не поддающихся лечению²⁶.

Важно отметить главное: как свидетельствуют памятники церковного и монастырского происхождения XII—XIII веков, врачи — и монастырские, и мирские — были хорошо известны в городах и всех Древнерусского государства, как и в других крупных странах Европы.

Поступила 21.12.98

²⁴Посмертные чудеса святителя Николая ... — СПб., 1888. — Чудо 3.

²⁵Житие Варлаама Хутынского. — СПб., 1881. — С. 30, 70.

²⁶Кавецкий Р. Е., Балицкий К. П. У истоков отечественной медицины. — Киев, 1954. — С. 12.